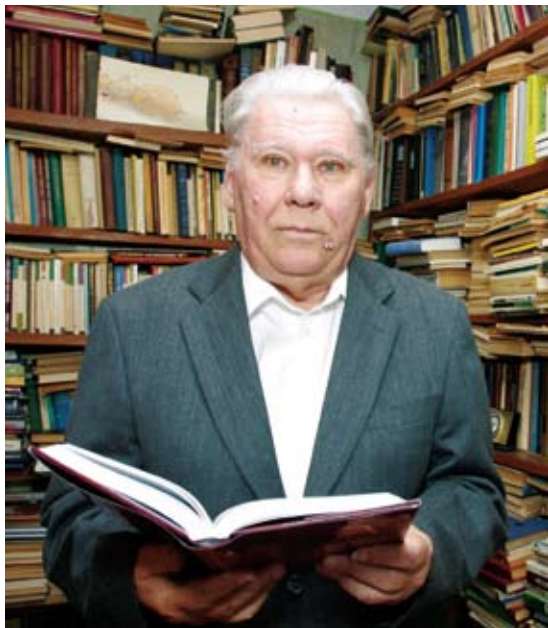

ВЫБОР НАЦИИ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ*

Яков ТРЕЩЕНОК,
доцент Могилевского государственного университета
им. А. А. Кулешова,
кандидат исторических наук

КОНСУЛЬТАНТЫ БОЛЬШЕВИКОВ, И НЕ ТОЛЬКО

Консультантами неизменно выступали настырные сторонники национал-сепаратистской идеи. «Западноруссы» изначально были зачислены во вражеский стан – как «социально чуждые поповичи», «великодержавные шовинисты» и приверженцы свергнутого режима. А национал-сепаратисты ловко рядились в «социалистические» одежды. У них стихийно сложилось своеобразное разделение труда: деятели возникших в условиях германской оккупации фантомных «рад», «секретариатов» и «народных республик» из прихожих немецких комендатур переместились за кулисы Антанты и Версальской конференции. Там они истошно вопили о попрании их права на самоопределение и отделение от России; а их «социалистические» коллеги из белорусских кружков в российском тылу пугали советское правительство прописками зарубежных «рад», в то время как

* Первую и вторую части читайте в №№ 8 и 10 «БД», 2007.

После революции национальная политика в Беларуси определялась людьми, поглощенными социально-классовыми проблемами и перспективами «мирового пожара». Об этнокультурной ситуации в республике у правящей партии были самые туманные представления. В зависимости от политической конъюнктуры отношение к белорусскому вопросу колебалось от полного его отрицания (один из первых советских руководителей края В. Г. Кнорин писал в 1918 году, что поскольку этнографические особенности населения Беларуси не больше, чем в иных губерниях самой России, то их следует изживать, а не измышлять небывалые нации) до конструирования литовско-белорусских государственных химер (Литбел 1919 год) и постановки на X съезде РКП(б) в 1921 году вопроса: а существует ли вообще в природе белорусский народ? Решили, что все же существует...

сами рвались изо всех сил получить из рук большевиков власть над Беларусью и приступить поскорее к воплощению собственных химер.

Реальную власть большевики не отдали, но БССР была сформирована, и культурная политика в ней оказалась в руках частью замаскированных, а частью и откровенных национал-сепаратистов. По сути дела, при всей настороженности «пролетарских интернационалистов» к любым национальным идеям именно католическая национальная идея была странным образом признана единственной национальной идеей Беларуси, той «национальной формой», которую предстояло в ходе «культурной революции» наполнить «социалистическим содержанием».

Как мы уже знаем из недавней истории, «наполнялось» плохо. Власти на это реагировали, с одной стороны, политическими репрессиями по надуманным обвинениям, а с другой – примитивным подкупом, развращая деятелей культуры привилегиями, наградами и другими подачками, часто столь же малообоснованными, как и обвинения

«троек». То есть возвращали беспринципных завистливых лицемеров, всегда готовых переменить хозяина в случае перемены конъюнктуры. Что и продемонстрировали со всей очевидностью события Великой Отечественной войны.

Реакция властей, к сожалению, осталась прежней, только обвинений в предательстве теперь изобретать не было нужды, подлинного негодяйства было в избытке. (Широко известные супруги – Н. Арсеньева и Ф. Кушель – последовательно служили и польской «двуйке», и НКВД, и гестапо, и ЦРУ, и бог весть кому еще, получая медали от всех властей...) Мы сознательно заострили ситуацию – чтобы обнажить ту скрытую суть дела, о которой многие втайне догадывались, но о которой не только говорить вслух, даже и про себя помышлять было не принято. Но пора уже прямо посмотреть в глаза правде. Фактическая основа сказанного неопровержима, но, конечно же, не все было таким и не все были таковыми.

Несмотря ни на что, основы реальной белорусской государственности были заложены, сформировалась развитая система национальных культурных учреждений, национальное образование, пресса. Народ Беларуси проявил исключительный героизм в борьбе с фашистским нашествием, БССР стала одной из стран – основательниц ООН. После войны разрушенная республика, потерявшая от четверти до трети населения, была превращена в развитую индустриально-аграрную страну, выдвинула ряд выдающихся государственных деятелей всесоюзного масштаба. Все это также было. Но достижения белорусскоязычной культуры были далеко не так впечатляющи. Конечно, не все замарали себя коллаборационизмом, были искренние и честные, не осознавшие тогда своих заблуждений, убежденные, что они наилучшим образом служат своему народу. Были и подлинные таланты от Бога, которым простятся нацией за их творчество и их прегрешения, и их человеческие слабости (простили же норвежцы Кнута Гамсуна, возможно, и белорусы простят Ларису Гениюш). Были и просто трагические жертвы, безвинно попавшие под колеса истории. Но, как сказал поэт, и все же, все же,

все же... Слишком мало оказалось достойных, слишком много ничтожных – таков итог советской национальной политики в Беларуси. Таковы и плоды прозападной антиправославной национальной идеи, ибо именно она питала коллаборационизм, ибо все подлинно художественно-ценное из написанного по-белорусски было создано не благодаря, а вопреки ей.

Пал тоталитаризм... И если русская литература несколько лет наполняла толстые журналы ранее написанными «в стол», непроходимыми через цензуру произведениями и возвращенными творениями эмигрантов, то что явила миру белорусскоязычная литература? Оказалось, что творцы творили, за редкими исключениями, только на заказ, ничего выстраданного душой, всерьез оппозиционного «режиму» в их рабочих столах не находилось. Зато когда злобное политиканство стало безнаказанным и хорошо оплаченным, только уже не из отечественных касс, хлынул такой мутный поток, что тут уже было не до изящной словесности.

ЗАЩИТА САМОБЫТНОСТИ

Разрушение СССР и суверенизация Беларуси, а также крах коммунистических идеологических догм, возрождение религии и церкви наново поставили вопрос белорусской национальной идеи. Разгул национал-экстремизма, очередная кампания принудительной «белорусизации» проявили сознание многих. И народ сказал свое слово. Стало очевидно, что православная белорусская национальная идея, идея нашей самобытности в единстве с Россией и Украиной, в народе жива и никогда не умирала. Что именно она и выражает народные чаяния и что именно за ней будущее, какие бы препятствия ни нагромождали враги славянского единения внутри наших стран и за рубежом. Ожила и ранее загнанная в подполье православная интеллигенция, переходя от скрытого сочувствия к активной творческой деятельности.

Республика Беларусь есть и остается страной полиэтнической и поликонфессиональной. Поэтому взаимное уважение и терпимость, сотрудничество всех этнических и

НАША СПРАВКА

ТРЕЩЕНОК

Яков Иванович.

Родился 15 ноября 1931 года в Минске. В 1963 году окончил историко-географический факультет Минского государственного педагогического института им. А. М. Горького. Работал учителем и директором школ в Витебской области, в 1964–1967 годах – аспирант очной аспирантуры БГУ. С 1967 по 1995 год работал в Могилевском государственном университете им. А. А. Кулешова старшим преподавателем, в 1995–2004 годах – доцент кафедры восточнославянской и российской истории. С 2004 года по настоящее время – старший научный сотрудник научно-исследовательского сектора. В декабре 1996 года ему присвоено ученое звание доцента. В 2004 году Указом Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко Яков Трещенок награжден орденом Почета.

Автор свыше 30 работ по историографии, методологии и истории общественной мысли Беларуси и России, учебников по истории Беларуси (в соавторстве).

Политика белорусского государства нацелена на создание в стране благоприятных условий для деятельности всех конфессий. Об этом 19 сентября 2007 года на встрече с руководителями действующих в Беларуси конфессий заявил вице-премьер Александр Косинец.

Он отметил, что в последние годы религиозные организации получили ряд преференций по налогам на недвижимость, оплате коммунальных услуг.

Говоря о тенденциях развития религиозных общин, Александр Косинец отметил, что с 1996 года их количество увеличилось с 1 тыс. до 2 953 (на начало 2007 года). В частности, число православных общин увеличилось более чем на 460, католических – более чем на 70, евангелических христиан баптистов – на 70, христиан веры евангельской – на 180, адвентистов седьмого дня – на 40, иудейских – на 19, прогрессивного иудаизма – на 12, мусульманских – на 4.

конфессиональных групп во благо общего Отечества всегда будут для нее остро актуальными. И особое значение для внутренней стабильности Беларуси, для успешного развития белорусской нации и ее культуры продолжает сохранять проблема католического меньшинства – около одной пятой всего населения. При всех амбициях католические претензии определять национальную идею белорусского народа исторически несостоятельны и отвергнуты нацией. Нравится это определенным лицам и организациям или не нравится, смеем думать, что данный вердикт окончательный.

Однако это не ставит под сомнение ни право католического меньшинства на духовное самоопределение, ни право католической церкви свободно отправлять свои религиозные функции в стране. И то и другое гарантируется Конституцией и законодательством Республики Беларусь. Многовековая привычка к привилегированному, и даже господствующему, положению католического меньшинства еще дает о себе знать. Но в наше время все должно развиваться в правовом поле.

При культурной близости Беларуси и России у нас иное соотношение чисто светской и религиозно ориентированной культуры. Последняя у нас существенно более значима, чем в России. И это следует учитывать.

Приоритетное сотрудничество государства с Православным Белорусским экзархатом сегодня есть безусловная общественная необходимость. Будем честны, белорусская самоидентификация пока еще не преобладает среди католического населения, чему способствует активная полонизаторская деятельность всевозможных сил. Костел у нас по своей национальной ориентации и по кадровому составу нередко остается филиалом польского. Да и польское правительство рассматривает католиков Беларуси не иначе как польское национальное меньшинство и всемерно стремится поддерживать в его среде польскую идентификацию. Лукавые «наукоуцы» устраивают неоязычные по отношению к белорусскому государству и народу акции вроде увековечивания памяти зверствовавшей в годы Второй мировой войны на территории Беларуси Армии Краёвой и т. д. Все это пока не встречает должного отпора, хотя нам хорошо известно, что происходит с белорусским национальным меньшинством у соседей за Бугом.

Но фактически та часть белорусских католиков, которая сознает себя этническими белорусами, представляет собой особую этническую группу белорусской нации, сохраняющую глубокие черты духовного своеобразия, особый менталитет. И на это

нельзя закрывать глаза и делать вид, что все едино. Едино только в правовом отношении, в остальном – не едино, и это тоже следует учитывать. Определенная часть католиков (и едва ли не большая, научно-корректной статистикой мы до сих пор не располагаем) осознает себя польским меньшинством, причем некоторые из этих людей ориентируются скорее на соседнюю Польшу, чем на государство, гражданами которого они являются. И будет политической близорукостью этого не видеть. В районах с преобладающим католическим населением надо проводить целенаправленную работу по интеграции этого населения в белорусскую гражданскую нацию, частью которой они объективно являются.

Разумеется, при этом должны исключаться какое-либо насилие, давление, даже просто неуважение к местным традициям. Но государственные интересы Беларуси должны быть защищены безусловно. Каждый гражданин вправе идентифицировать себя с любым этносом, любой культурой, но тем не менее неукоснительно исполнять общие для всех демократически выработанные законы государства, в котором он живет. Эти простые истины еще приходится растолковывать многим усердным поборникам «прав человека», склонным мерить разным аршином свои собственные права и права других.

Известная духовная раздвоенность нации остается фактом, как и наличие в стране определенной базы для национал-сепаратизма. Националистические группировки типа «народного фронта» имеют хотя и немногочисленный, но достаточно устойчивый процент сторонников. Их роль всегда будет маргинальной, они никогда не будут иметь массового электората, но в исторически обозримой перспективе они не исчезнут. И это следует признать нормальным. В той мере, в какой они законопослушны, они имеют право на политическое бытие. Да будут высказаны и услышаны все сущие в обществе идейные течения. Это и есть демократия. Насильственно пресекаться должны только антиконституционные действия. Такая общественная ситуация определяет и состояние белорусской историографии.

Не может быть единой оценки прошлого со стороны ориентированных на разные цивилизационные ценности общественных групп. С одной стороны, это ориентированные на западнохристианскую цивилизацию потомки католической шляхты и их сторонники, отказавшиеся в свое время от духовных ценностей своего народа и веками стремившиеся сломать этот народ через колено, отторгнуть его от цивилизации восточнохристианской, общей с русскими и украинцами. С другой стороны – это те, кто ощущает себя наследниками именно духовных ценностей восточнохристианской цивилизации, в лоне которой и поныне пребывает православный белорусский народ. Культурное прошлое Беларуси и есть прежде всего противоборство (но и определенное взаимопроникновение) этих цивилизационных тенденций. С момента возникновения национальной историографии в ней существует (как бы это ни вуалировалось разными идеологическими «измами») две системы взглядов – православная и католическая. Одна опирается на польскую историографию (будучи все же не вполне тождественной ей), другая – на русскую (тоже до конца с ней не сливаясь). Бывали и эклектические метания между ними, как у М. В. Довнар-Запольского, но в конце концов неизменно верх брала или та, или другая тенденция.

НЕЛЬЗЯ РВАТЬ КОРНИ

Шатания между двумя тенденциями были характерны и для советской белорусской историографии, которая, как и вся гуманитарная наука, вибрировала то в резонанс, то в диссонанс с «генеральной линией» партии. Ежели в резонанс – следовали поощрения, ежели в диссонанс – оргвыводы. Единой концепции так и не получилось. В целом до середины 1930-х годов объективно преобладала католическая тенденция, после происходит откат в сторону православной.

В итоге следует признать, что единым в такой обстановке может быть и должен быть только тезаурус твердо документированных фактов, без мифологических натяжек

НАША СПРАВКА

В настоящее время в Беларуси действует 13 духовных учебных заведений.

За последнее десятилетие в стране фактически в 4,7 раза увеличилось число культовых зданий.

и произвольных гипотез. Единая система национальных ценностей придет только с окончательным преодолением духовного раздвоения. Мы уповаем на то, что это произойдет в конечном счете на основе исторически-православной национальной идеи (разумеется, обогащенной достижениями современного этапа развития белорусской нации). Иные веруют в иное. История покажет, кто ближе к истине. Главное – не допустить ни духовного, ни тем более физического насилия над инакомыслящими. Слишком много насилия уже было на белорусской земле, пора и остановиться. Конечно, преподавать и популяризировать отечественную историю невозможно без определенной системы идейных приоритетов, которые должны предусматриваться государственными программами. И таким государственным приоритетом должна быть система идей, разделяемая большинством, – иное с демократией несовместимо. Нельзя допускать, чтобы взгляды и при-

страстия небольшого меньшинства навязывались всему обществу, как это было у нас в совсем недавнем, хочется надеяться, уже прошлом. Однако не должны скрываться и замалчиваться и воззрения меньшинства, коль скоро оно наличествует в самом обществе. (Речь идет, повторимся, только о ценностной интерпретации фактов, а не о том сознательном замалчивании или тем более не о недобросовестной подтасовке фактов, каковыми грешили и до сих пор грешат белорусские школьные учебники.) Шумным спорам о белорусской истории больше всего недостает элементарной академической добросовестности. Граждане должны иметь доступ к объективной информации и возможность самостоятельно сопоставить сталкивающиеся мнения, которые задевают их интересы как граждан.

И здесь стоит вернуться к уже отмеченной в начале этих заметок качественной отличительности нашей восточнохристианской европейской цивилизации по отношению к западнохристианской и их стадийной разновозрастности. Стадийная разновозрастность и качественная оригинальность вовсе не одно и то же. Отдельные черты нашей цивилизации, принимаемые за качественную оригинальность, на самом деле есть стадийные черты доиндустриального традиционализма и находятся в настоящее время в процессе изживания.

Подобные черты некогда были присущи и Западу, но к настоящему времени уже давно им изжиты. Приходит и наш черед. Хотя искусственное форсирование этого естественного и в целом прогрессивного процесса, как доказывает опыт, способно обесценить его позитивные результаты. Нельзя дергать растение за верхушку в надежде ускорить его рост – только порвутся корни. Подлинная оригинальность коренится в глубинных подсознательных ментальных структурах культуры, в обусловленных ими ценностных ориентациях и стереотипах поведения, мышления и эмоционального восприятия мира.

Именно это и определяет неповторимую идентичность культуры и цивилизации, в том числе и этническую идентичность. И разрушение этих структур будет означать

необратимый распад культуры этноса, а значит, и самого этноса как такового. Можно сохранить самоназвание и даже языковую преемственность, но если разрушить этический ментальный комплекс, то данный народ фактически исчезнет с лица земли. Современные греки называют себя так же, как и древние эллины, и язык их прямой потомок древнегреческого, но кто может сомневаться в том, что это совершенно другой народ, нежели современники Перикла, Сократа и Аристотеля? Что ныне это один из балканских этносов, несопоставимо более близкий к своим соседям-болгарам, румынам и даже мусульманам-албанцам, чем к далеким античным предкам! И в то же время сохранившие свой кельтский ментальный комплекс ирландцы и шотландцы, даже сменив изначальный язык на английский, остались ярко выраженными оригинальными нациями – ирландцами и шотландцами – и не стали англичанами или кем-то еще.

В основе ментального комплекса любого славянского народа лежит общеславянское родоплеменное наследие, преобразованное и структурированное христианством. Причем первоначальной формой христианства во всем славянском регионе Европы было восточное христианство – православие. В

западной части региона оно затем было вытеснено католицизмом, который стал официальной религией западных и части южных славян. Так славянский мир оказался культурно-цивилизационно расколотым.

Причем католический натиск на Восток продолжался целое тысячелетие, и нельзя утверждать, что и в настоящее время он прекратился совершенно, – лишь приобрел более изощренные, завуалированные формы. И форпостом этого натиска стала католическая Польша, а междивизиционным рубежом – прежде всего польско-русский (польско-восточнославянский) рубеж. Еще раз констатируя этот исторический факт, следует иметь в виду, что сама Польша была и остается окраиной западноевропейской культурно-цивилизационной зоны с сильными чертами переходности от Запада к Востоку Европы.

Социальные верхи Польши, ориентированные на Запад и постоянно нарочито подчеркивающие свое западничество, как бы стесняются своего славянства, этнического родства с восточными православными славянами. Это католики, которые стремятся быть большими католиками, чем сам Папа Римский. С одной стороны, широкие слои польского народа продолжают сохранять

многие общеславянские черты, чуждые народам Западной Европы и роднящие их с остальными славянами, с другой – западноевропейцы, признавая поляков принадлежащими к западной цивилизации, считают их не до конца своими. Славяне, даже западные, в их глазах все же не западноевропейский, а восточноевропейский народ. Хотя и признается неприличным говорить об этом вслух, но в глубине души для них западные славяне, как и мы грешные, вроде бы европейцы второго сорта. И это постоянно проскальзывает и в прессе, и в искусстве, и в общественном мнении Запада. Это достаточно отчетливо ощутимо и порождает среди польских националистов известный комплекс «бедного родственника» Европы, который они всегда стремились и до сих пор стремятся выместить на своих восточных соплеменниках. Отсюда постоянный сервилизм, угодничество перед Западом, нарочитое преувеличение его часто весьма сомнительных благодеяний по отношению к Польше и отсюда же черная неблагодарность по отношению к Востоку, всемерное преувеличение обид со стороны России и умаление ее поистине судьбоносных для Польши подлинных благодеяний (достаточно взглянуть на современную карту Польши). Со стороны Германии исходила угроза самому физическому существованию поляков на этой земле, но в Польше оскверняются военные кладбища не немецких оккупантов, а советских освободителей и спасителей, в том числе на землях, утраченных правителями Польши еще в X веке и возвращенных ей ценою жизни сотен тысяч советских солдат...

МАГИСТРАЛЬ И ТУПИК

Все это следует напоминать не только в историческом ракурсе польско-восточнославянских отношений, но и потому, что подобный комплекс в полной мере, если даже не в большей, присущ и белорусским национал-сепаратистам из колонизированной среды. Причем не только по отношению к собственно Западной Европе и Америке, но и к соседней Польше, которая для них «настоящий Запад».

Если польские националисты – бедные родственники Западной Европы, то белорусские – бедные родственники польских. «Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно!» Можно, конечно, выпячивать грудь и говорить, что наши гуси из этой же породы, что Рим спасали! Но от этого веет такой исторической иронией... Отсюда и просто неприличные попытки примазаться к славе польских деятелей культуры, выходцев из Литвы и Руси, далекие предки которых были православными русскими, а затем отреклись от своего народа. Все европейское дворянство смешано по своим этническим корням, иноплеменное происхождение родоначальников в его среде – явление самое обыкновенное.

Однако немцы не претендуют на русских Фонвизина, Дельвига, даже на сына германского уроженца Пестеля, признавая их деятелями русской культуры. А датчане не притязают не только на родившегося в России в датской семье Владимира Даля, но и на русского адмирала Беринга, родом датчанина, но ставшего адмиралом на русской службе. А французы справедливо считают Ф. Шопена польским композитором, хотя он и был сыном француза и много лет прожил во Франции и похоронен там. Итальянские корни есть у Гёте.

И только наши национал-сепаратисты пытаются представить белорусами и А. Мицкевича, и М. Огиньского, и С. Монюшко, и чуть ли не весь цвет польской культуры, благо большинство этих деятелей действительно происходило из «кресового» польского дворянства с местными родоначальниками. Но родоначальником Пушкина по отцу, если верить родословным, был некий «выходец из прус», а по матери и вовсе дареный Петру I раб-эфиоп, Лермонтова – шотландец, Баратынского – поляк, Тютчева – то ли итальянец, то ли татарин... Только кто поверит, что перечисленные поэты – не русские дворяне? А вот великих польских поэтов и композиторов нам предлагают не считать поляками только потому, что у них были «не польские» предки. Да многие ли люди вообще знают достоверно собственных предков? С кем только мы все не смешаны!

«Чистые» народы – бредовый вымысел расистов. И какое отношение имеют все эти далекие и не очень родоначальники для идентификации к той или иной культуре ее великих создателей? Не спасает лица и лукавое утверждение, что эти деятели якобы «равно принадлежат двум народам». Конечно, творцы масштаба А. Мицкевича принадлежат не только Польше, не только всему славянству, но и всему человечеству. Однако все эти люди работали именно в польской культуре, поэтому и в их польской этнической самоидентификации не возникает ни малейшего сомнения. Надо уважать и их, и себя...

Стыдно писать обо всем этом, стыдно за унижение белорусской самобытности – но таковы представления о национальной гордости у людей, считающих себя носителями белорусской национальной идеи! Еще раз приходится напоминать, что заниматься всякого рода интриганством – куда легче, чем создавать подлинные культурные ценности. Так же как и выискивать «этнические корни» у чужих поэтов, вместо того чтобы творить собственную поэзию, способную соперничать с творчеством этих поэтов. Максим Танк был сыном нарочанского крестьянина без всяких родословных, но если бы все белорусские поэты писали так, как писал он, то их книжки никогда бы не залеживались в магазинах, даже если бы ими торговали и не по смешной цене. Привилегий жаждут те, кому честно соревноваться просто не по силам. Танку они не были нужны, никакой конкуренции он не боялся, его сборников вы не найдете среди книжной макулатуры, ибо он был Поэт, а не политический интриган. Он творил подлинную белорусскую культуру, которой жить вечно.

Все вышесказанное подкрепляет уверенность, что наше будущее – за православной белорусской идеей, а национал-сепаратизм останется в прошлом, как родовое пятно. Которое никого не красит, хотя и дает некоторую отличительную черту. Ибо генетически православная национальная идея зиждется на исконном ментальном фундаменте белорусского этноса, она есть теоретическое выражение хранимого веками национального менталитета. А транзитный, чужеродный сепаратизм есть попытка разрушить этот менталитет, заменить

живую сущность искусственной конструкцией по чужим образцам. Если бы подобная попытка удалась, то это означало бы духовное убийство народа, после чего неизбежно последовало бы и его физическое исчезновение как православного восточнославянского этноса. Остались бы некие денационализированные люди с «белорусскими этническим корнями», вроде шляхты «genus gusus». И это были бы уже не белорусы, а историческое воспоминание о них. Кому хочется пожелать такой участи своему народу?

Поэтому две существующие белорусские национальные идеи вовсе не две альтернативные равноправные ориентации для дальнейшего бытия нации. Это историческая магистраль и исторический тупик. И каждый волен выбирать, куда идти. И поскольку течение времени не остановить – выбирать все равно придется. И даже если просто пассивно и бездумно пуститься по течению – все равно исторический поток прибьет или сюда, или туда. И большинство пассивных по законам всякого потока все же будет вынесено в то основное русло, куда будет активно выпребать сознательное большинство. *Ducunt volentem fata, nolentem trahunt* – «Желающего идти судьба ведет, не желающего – влачит» (Сенека).

Так что наша уверенность в выборе нации имеет надежное основание. Будущее Беларуси в братском содружестве великой евразийской цивилизации – это и есть наша судьба, наша национальная идея.

